ПЕРВОЕ СРАЖЕНІЕ НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ.

Царь былъ недоволенъ этимъ первымъ походомъ противъ непріятеля и приказалъ Крюйсу въ другой разъ устроивать погоню такъ, чтобы догонять непріятеля.

Въ 1713 году царь намѣрился завоевать Финляндію. Онъ писалъ объ этомъ: «Ни чѣмъ такъ шведовъ къ резону и къ склонности къ миру не приведемъ, какъ Финляндіею, откуда всѣ они довольствуются». Въ прошломъ же (1712) году онъ писалъ Апраксину: «Когда Финляндію взять, то шведская шея мягче гнуться станетъ».

Съ весны государь отправился на 200 гребныхъ судахъ съ 16 тысячами войска въ Гельсингфорсъ, а самъ воротился въ Кронштадтъ, для высылки парусной эскадры въ море. Она, подъ командою вице–адмирала Крюйса, состояла уже изъ 8 кораблей и 8 мелкихъ парусныхъ судовъ, и государь былъ при эскадрѣ этой шаутбенахтомъ, то есть контръ–

адмираломъ, подъ именемъ Петра Михайлова. Въ Ревелѣ стояли еще 4 корабля и 1 фрегатъ, купленные въ Англіи. Только въ этомъ, 1713 году, флотъ нашъ сходилъ въ первый разъ отъ Кронштадта до Ревеля. Государь далъ объ этомъ такое приказаніе:

«Флоту итти къ Ревелю, держа впереди три мелкихъ судна, для развѣдокъ. Если встрѣтить непріятеля не посиламъ, то отступить; а коли по силамъ, то гнать, а въ Ревель послать, чтобы тамошніе корабли скорѣе выходили».

Контръ–Адмиралъ Петръ Михайловъ хотѣлъ самъ быть въ походѣ этомъ, но вице–адмиралъ Крюйсъ сильно убѣждалъ его поберечь себя и остаться тамъ, гдѣ онъ былъ нужнѣе. Царь хотя очень огорчился этимъ, но какъ добровольный подчиненный, повиновался. Таковъ былъ государь этотъ всегда; если принималъ на себя какую должность, не исключая и самой низшей, то строго исполнялъ все, что относилось до воинскаго послушанія.

9–го Іюля эскадра вступила подъ паруса; впереди шли четыре крейсера, а прочія суда, по малому опыту въ морскомъ дѣлѣ, еще не могли держаться въ линіи. Адмиралъ наказывалъ много разъ всѣмъ командирамъ: «пороху напрасно не тратить, а сойдясь бортъ о бортъ, дать залпъ всѣмъ лагомъ, закрыть нижніе порты и свалиться безъ церемоніи на абордажъ».

При тихомъ, попутномъ вѣтрѣ, крейсеры наши извѣстили въ полдень на слѣдующій день, что впереди три непріятельскія судна. Погнались; вечеромъ миновали Гогландъ; ночью вѣтеръ стихъ, нѣкоторыя суда стали буксироваться, другія отставали; къ утру опять вѣтеръ засвѣжѣлъ и стали догонять непріятеля у Гельсингфорса. Адмиралъ поднялъ красный флагъ, знакъ погони; часу въ пятомъ передовые корабли наши: Антоній, Полтава и Выборгъ, уже перестрѣливались, готовясь къ абордажу.

Въ это время шведы вдругъ привели къ вѣтру, будто и сами готовы встрѣтить насъ; но они сдѣлали это обходя подводный камень, а обошедши его опять спустились.

Намъ мѣста эти еще не были коротко знакомы; вѣрныхъ картъ въ то время также не было и корабль Выборгъ, настигая непріятеля прямымъ путемъ, сѣлъ на подводный камень. Вплоть за нимъ шелъ корабль Рига, адмиральскій, и также приткнулся къ мели; на бѣду непріятельское ядро въ это самое время пробило на Ригѣ крюйтъ–камеру: пороховая пыль поднялась столбомъ, а ее сочли дымомъ и закричали: пожаръ! Пошла суматоха; красный флагъ спустили; въ то время не умѣли еще разговаривать сигналами, какъ теперь; адмиралъ полагалъ, что начальство надъ эскадрой, какъ само собой разумѣется, приметъ старшій по немъ; а тотъ, незная этого, ожидалъ приказанія. Прочіе корабли, видя бѣдствіе передовыхъ и опасаясь незнаемыхъ ими подводныхъ камней, стали приводить къ вѣтру, недоходя до этого мѣста, и становились на якорь. Они оправдывались тѣмъ, что красный флагъ погони былъ у адмирала спущенъ.

Часа черезъ два кор. Рига стянулся съ мели и адмиралъ самъ отправился для распоряженій на Выборгъ. Созвали на совѣтъ командировъ: никакими силами не могли стащить бѣдствующаго корабля, который къ вечеру даже переломился отъ перевѣсу, — такъ онъ врѣзался на каменную гряду: а потому свезли что было можно и зажгли его.

Шведская эскадра, соединившись съ флотомъ своимъ — всего 9 кораблей, 3 фрегата, 1 шнява — на радостяхъ открыла общую пальбу, но оставалась въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, не рѣшаясь напасть.

Мы ушли въ Ревель, а шведы въ Гельсингфорсъ; по слабости и неопытности своей, кажется что мы ихъ боялись, а они насъ. И сбылась пословица, что изломаннаго лука двое боятся! Затѣмъ вся эскадра наша и съ покупными въ Англіи кораблями, пришла въ Кронштадтъ; а шведская эскадра была вытѣснена изъ Гельсингфорса нашими галерами и береговыми батареями и ушла въ Карлскрону.

Финляндія была покорена сухимъ путемъ, но на морѣ владычество осталось еще спорнымъ. Государь былъ очень огорченъ неудачей, и хотя утѣшалъ себя тѣмъ, что–де первую пѣсенку можно и зардѣвшись спѣть, однако отдалъ адмирала и многихъ другихъ начальниковъ подъ военный судъ, за упущеніе непріятеля, и многіе были разжалованы, отставлены или иначе наказаны.

Какъ быть, сказалъ контръ–адмиралъ Петръ Михайловъ: помучимся, такъ научимся.